

В свои драматические произведения Л. Н. Толстой, помимо взрослых персонажей, вводит также и персонажей-детей, что позволяет ему разнообразить сценическое действие, делать его более правдоподобным, реалистичным, а также четче обозначить свою авторскую позицию. Персонажей-детей в пьесах Л. Н. Толстого немного, однако, их наличие играет важную роль: описывая происходящие события через детское восприятие, писатель дает оценку действиям взрослых, позволяет читателю взглянуть на их поступки глазами ребенка, что для Л. Н. Толстого всегда было равнозначно постижению истины (вспомним, как знаменитый совет в Филях из романа-эпопеи «Война и мир» (т. III, ч. III, гл. 4), решивший судьбу Москвы, изображен глазами девочки Малаши, внучки крестьянина Андрея Савостьянова [0, с. 244—247]).

По принадлежности к определенному сословию детские персонажи в пьесах Л. Н. Толстого, как и взрослые, делятся на две группы: дети дворян и крестьянские дети. Характер героев, их переживания, особенности их мышления — все это автор отражает в репликах персонажей. Так, речь крестьянских детей в пьесах Л. Н. Толстого насыщена диалектизмами, разговорной и просторечной лексикой. Например, в речи Анютки, героини драмы «Власть тьмы», встречаются диалектные формы *вотчим*, *вотче* (вместо *отчим*, *отче*), слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выражающие субъективную оценку (*Машутка*, *матушка*, *мамушка*, *дедушка*, *робеночек*). Индивидуализируя ее речь, автор вводит в реплики героини собственные только ей неоднократно повторяющиеся выражения:

«Анютка (*вбегает; к Никите шепотом*). Микита, иди скорей, тебя человек один спрашивает, *однова*

---

* Материал впервые опубликован в сборнике *Мировая словесность для детей и о детях: материалы XIX Всероссийской научно-методической конференции*. — М.: МПГУ, 2014. — С. 52-56. В настоящем издании в статью внесены уточнения и дополнения.

дыхнуть.

Никита. Какой человек?

Анютка. Маринка с чугулки. За углом стоит.

Никита. Врешь.

Анютка. *Однаво дыхнуть»* [0, с. 37].

Именно в восприятии Анютки Л. Н. Толстой описывает совершаемое в доме убийство ребенка Акулины — ее старшей сводной сестры, а также падчерицы и любовницы Никиты, главного героя драмы (вариант 12—16 явлений IV-го действия). В диалоге с работником Митричем раскрывается характер девочки, автор стремится передать ее эмоциональное состояние (настороженность, встревоженность, страх) и жестокость совершаемого взрослыми поступка. Сознание ребенка в драме «Власть тьмы» воспроизводится Л. Н. Толстым как нравственное мерило совершающихся событий:

«Анютка. А на дворе-то *гомонили* как. <...> Слышишь, опять в амбар пошли.

Митрич. Тебе-то чего? <...> Ложись да и спи. А я вот заверну свет. (*Завертывает.*)

Анютка. *Дедушка, золотой!* не гаси совсем. Хоть в *мышинный* глазок оставь, а то *жуть*.

Митрич (*смеется*). Ну, ладно, ладно. <...> Чего жутко-то?

Анютка. Как не жутко, дедушка! Нянька как билась. Об рундук головой билась. (*Шепотом.*) Я ведь знаю... У ней *робенок* родиться хочет... Родился уж, никак... <...> Разочек крикнул, а теперь не слышать. <...> я слышала, *однаво дыхнуть*, слышала. *Тоооенько* так. <...> Дедушка, а дедушка! Копают! Ей-богу, копают, в погребу копают, слышь! *Однаво дыхнуть*, копают!

Митрич. <...> Спи, говорю, а то сейчас свет потушу.

Анютка. *Голубчик, дедушка*, не туши. Не буду. Ей-богу, не буду, *однаво дыхнуть*, не буду. *Страшно мне»* [Там же, с. 81—82].

Как отмечалось ранее, в драматургии Л. Н. Толстого жизненная правда в репликах персонажей из социальных низов проявляется в использовании диалектизмов, свойственных речи крестьян 2-й половины XIX в. и продолжающих существовать в современных русских говорах. Данная черта отражена и в речи персонажей-детей. Так, в речи Анютки обнаруживается яркая фонетическая черта говоров северного наречия русского языка — утрата интервокального [j], ассимиляция и стяжение гласных в формах местоимений:

«А н ю т к а . Дедушка! <...> *Кака же така* детосека?» [Там же, с. 82].

В репликах Малашки, крестьянской девочки из драмы «И свет во тьме светит», воспроизводится яркая морфологическая особенность южнорусских говоров — смягчение конечного согласного [т] у глаголов в форме 3-го лица:

«Иван. Воды. Испить. <...> Что ты малого все бьешь, что он орет. Вот я матери скажу.

Малашка. Говори матери. С голоду *ореть*. <...> Вон барин *идеть»* [Там же, с. 226].

Яркой стилистической чертой является использование Толстым сугубо лексических (семантических) диалектизмов. Например, в речи той же Малашки встречается диалектизм *голомя* (в значении «1. 'Давно, давненько'») [0, с. 321]:

«Иван. Ах, хоть бы смерть пришла. Звонили к обеду, что ль?

Малашка. *Голомя*. Звонили» [0, с. 226].

Использование подобных черт позволяет Л.Н. Толстому подчеркнуть территориальные особенности речи, подмеченные им во время общения с крестьянами родной для него Ясной Поляны Тульской губернии и других областей, где бывал писатель на протяжении своей большой жизни и с представителями которых ему удалось встретиться.

Все вышеперечисленные черты свидетельствуют о народном характере речи крестьянских детей в драматургии Л. Н. Толстого и об особом нравственном начале, заложенном в этой речи.

Среди представителей высшего сословия в драматургии Л. Н. Толстого часто герои, имеющие в характеристике автора указание на то, что они являются сыновьями или дочерьми других персонажей, по своему возрасту уже не являются детьми, как, например, героини комедий 20-летняя Бетси и 25-летний Вово Звездинцевы («Плоды просвещения»), 40-летний помещик Семен Иванович, сын Глафиры Федоровны (см. набросок «Нигилиста») или героини драмы «И свет во тьме светит» 20-летняя Люба Сарынцева и Лизанька Коховцева, девица «постарше ее» [Там же, с. 203]. Однако родители по-прежнему относятся к ним как к детям: проявляют заботу, беспокоятся об их будущем. Например, Иван Михайлович, герой неоконченной комедии «Зараженное семейство», восхищаясь акцизным чиновником А. Д. Венеровским, стремится выдать за него свою дочь Любу, однако в финале комедии, разочаровавшись в нем, забирает Любу с почтовой станции.

Дети дворян обращаются к родителям на Вы (крестьянские дети — на ты), проявляют уважение к старшим. Сюжетный ход, связанный с презрением, непослушанием и неуважением к родителям, используется Толстым в сатирических целях (например, речь гимназиста Петруши, см. ниже). В то же время взрослые дети имеют свою точку зрения, свой взгляд на жизнь и свое отношение к окружающим. Так, сестра Лизы Протасовой и дочь Анны Павловны Саша (драма «Живой труп») в разговоре с матерью не соглашается с тем, что Федя Протасов — ужасный человек, и не разделяет желания матери, чтобы Лиза развелась с ним (действие I, явление 4). Данное поведение подчеркивает самостоятельность героини, наличие собственного мнения.

Речь детей-дворян отличается большей литературностью. Случаи использования слов с пренебрежи-

тельным оттенком в их репликах единичны. Например, в речи Любы (драма «И свет во тьме светит»): « Степа уехал на велосипеде на станцию, <...> мелкота в крокет играют...» [Там же, с. 203—204]. Данная реплика отражает шутовское, ироничное отношение старших детей к младшим.

Как и в речи взрослых, в репликах детей-дворян обнаруживаются иноязычные вкрапления. Например, в речи Степы («И свет во тьме светит»): «Папá? <...> Он теперь под влиянием своей *idée fixe* ничего не видит, кроме того, что ему хочется видеть» [Там же, с. 204]. В указанной драме персонажи-дети также упоминают фамилии композиторов (*Chopin*), названия музыкальных темпов (*andante*), произносят *out* во время игры в лаун-теннис, что является яркой чертой дворянской речи: иноязычные вкрапления подчеркивают статус детей-дворян.

Как отмечалось ранее, грамотность, богатство и усложненность речи не свидетельствуют о положительной оценке героя автором. Чаще — наоборот. Так, например, в неоконченной комедии «Зараженное семейство» Л. Н. Толстой высмеивает увлеченность дворян нигилистическими идеями. 15-летний гимназист Петруша, усвоив новые идеи и почувствовав себя «свободной личностью», разговаривает с родителями в официально-деловом тоне, используя императивы и обороты из речи взрослых. В устах ребенка они звучат неестественно, за счет чего достигается комический эффект, так необходимый в этом жанре:

«Марья Васильевна. Ну, вот и Петенька. Чего хочешь, чаю, кофее?»

Петруша. Здравствуй, *мать*. Не хочу. Я уж молоко пил. Мать, *вели дать завтракать*. Здравствуй, *отец*.

Иван Михайлович. Что ты это все ломаешься <...> Поди поцелуй руку у матери.

Петруша. *С какой целью?*

Иван Михайлович (*строго*). Я тебе говорю.

Петруша. *На какой конец?* Разве что-нибудь произойдет от того, что я буду *прикладывать окончности* моих губ к *внешней части кисти* матери?

Иван Михайлович. Я тебе говорю, целуй руку.

Петруша. *Это противно моим убеждениям.* <...> Да это ничего, *отец*, я ведь от этого *не изменю свой взгляд* на тебя и на *мать*. Буду или не буду я целовать ваши руки, я *буду иметь к вам* обоим на столько-то уважения, на сколько вы его заслуживаете» [0, с. 362—363].

Таким образом, реалистичность речи детских персонажей в драматургии Л. Н. Толстого достигается за счет использования диалектизмов, разговорной и просторечной лексики в репликах детей-крестьян из народных драм, а также иноязычных вкраплений в репликах дворянских детей в драмах и комедийных пьесах. Включение в драматические произведения детских персонажей, по замыслу автора, позволяет читателю взглянуть с иной стороны на действия и поступки взрослых, нравственно оценить их. Все это помогает Л. Н. Толстому ярче и точнее выразить свою авторскую позицию в пьесах разных жанров.

Список литературы:

Толстой, Л. Н. Война и мир (тома 3—4) / Л. Н. Толстой. — М.: Детская лит-ра, 1964. — 712 с.

Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. — Т. 11. Драматические произведения. 1864—1910 гг. — М.: Худож. лит., 1982. — 503 с.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). — Вып. 6. Выросток-Гон. — Л.: Наука, 1970. — 360 с.